

Цинь Шуан ничего не ответила, вышла и вернулась с тазом горячей воды. Опустив ноги Лу Чэньби в воду, она тихо сказала:

— До появления Се Суна ты никогда так не переживал. Все в жизни предопределено, лишние размышления ничего не изменят.

Лу Чэньби почувствовал, что вода обжигающе горяча — наверное, оттого, что ноги были ледяными. Он усмехнулся:

— Как не переживать? В Школе Небесного Меча из сотни душ остался лишь он один, а в нашей семье Лу сколько уцелело? Он хотя бы может поднять меч и отомстить. А что могу я? Чтобы выжить, я притворяюсь калекой, сижу в коляске и везде завишу от других.

— Молодой господин, само то, что ты жив, — уже великое благо, — Цинь Шуан мягко массировала ему ноги, жемчужины в ее прическе покачивались.

Лу Чэньби присмотрелся и заметил в ее черных волосах у виска седые пряди.

— Сестра Шуан, у тебя седина, — он протянул руку, коснулся их. Цинь Шуан подняла на него взгляд и улыбнулась.

На душе у него стало горько. Он смотрел на нее и сказал:

— Тот человек поверил клевете и погубил наш род. Прошли годы, я знаю, где он, но по-прежнему бессилён что-либо сделать.

Цинь Шуан ответила:

— Когда госпожа уходила, она говорила: самое главное — чтобы ты жил. Она лишь хотела, чтобы ты был счастлив. Вспоминай ее слова, прежде чем что-то затевать. Госпожа не выносила, когда ты страдал. Раньше, стоило тебе заплакать, как она уже хмурилась.

— Какая мать не желает добра своему ребенку, — пробормотал Лу Чэньби.

И вдруг сердце его екнуло — он вспомнил ту ночь, госпожу Тао за жемчужной завесой. Услышав плач сына, она не бросилась утешать его, а тут же велела служанке унести ребенка.

Все знали, что Тао Тин и его жена боготворили младшего сына. Более того, если с Тао Тинем что-то случится, этот ребенок станет единственной опорой для госпожи Тао.

Она не могла не заботиться о нем, особенно после случившегося с мужем. Однако тогда она просто приказала служанке увести дитя в покои.

Сквозь завесу разглядеть было трудно, но Лу Чэньби заметил: когда Тао Тин замялся в речи, госпожа Тао поспешила его подтолкнуть.

Тао Фэйгуан не походил на сына, который так легко слушался бы мачеху.

Мысли Лу Чэньби путались все сильнее. Он спросил Цинь Шуан:

— Бабушка уже поднялась?

— Госпожа ушла прошлой ночью и еще не возвращалась, — ответила та.

Лу Чэньби нахмурился:

— Она уже в годах, вам нужно чаще ее уговаривать не перетруждаться.

— Госпожа сама все понимает, молодой господин, не тревожься, — Цинь Шуан вытерла ему ноги и надела чистые носки.

К полудню Лу Вань вернулась, но в сопровождении Третьей госпожи Мэй и Мэй Ушуана.

Лу Чэньби сидел во дворе, кутаясь в плащ, и наблюдал, как Се Сун тренируется с мечом. В руках у того был теперь тот самый клинок, который он когда-то вернул Лу Чэньби, а сухая ветка болталась в пальцах самого Лу Чэньби.

Передавая меч, Лу Чэньби сказал:

— Одалживаю тебе этот клинок. Плату за аренду внесешь, когда вернешь.

Се Сун отрабатывал приемы. Хотя зима была уже близко и ветер ледяной, на его лбу выступила испарина. Увидев Мэй Ушуана, входящего во двор, он остановился.

Лу Чэньби смотрел на него, погруженный в думы, и, не успев ничего сказать, обнаружил рядом человека.

Мэй Ушуан, заметив сухую ветку в его руке, спросил:

— В такую стужу ты выбрался на воздух? И что это у тебя?

— В комнате душно, вот и вышел, — Лу Чэньби помахал веткой. — Бабушка вернулась?

— Впереди, пьет чай, велела тебя привести, — Мэй Ушуан потянулся за веткой. — Что ты с ней делаешь? Неужели надеешься, что зацветет?

Лу Чэньби усмехнулся, помахал веткой перед самым его лицом:

— А почему бы и нет? Разве сухая ветка не может дать цвет?

Черная ветка, освещенная его улыбкой, будто обрела краски.

Се Сун подошел, держа меч, и Лу Чэньби сунул ему ветку:

— Возьми, посади эту ветку да ухаживай. Если зацветет — награжу.

— Ты всегда умеешь ставить невыполнимые задачи, — Мэй Ушуан покачал головой с усмешкой.

Лу Чэньби улыбнулся:

— Все в руках человеческих, кто знает? Зацветет — позову тебя полюбоваться.

Мэй Ушуан рассмеялся:

— Фантазер. Ладно, буду ждать. Матушка с госпожой ждут, пойдём.

Се Сун, видя, как Мэй Ушуан катит коляску Лу Чэньби, остался стоять, сжимая ветку в руке.

Он размышлял: Лу Чэньби говорил не только о ветке, но и о нем? Сухая ветка не может зацвести, ибо она мертва. Но он жив, кровь его еще горяча, и ничто не предопределено.

Он сжал ветку крепче, ощущая, как ее шероховатости впиваются в ладонь.

Рука, держащая меч, вновь поднялась.

Ветер во дворе не утихал, кружа последние листья. Молодой воин словно ожил, его движения стали резкими, напористыми, рассекая унылую атмосферу увядания.

Под вечер госпожа Лу пригласила Се Суна. Когда он вошел, то увидел, что в покоях находятся обе госпожи из Усадьбы Сливового Журавля.

Он на мгновение замер, но Лу Чэньби улыбнулся ему:

— Муянь, ты быстро.

Се Сун опомнился, поклонился:

— Госпожа, господин.

И встал рядом с Лу Чэньби.

Третья госпожа Мэй окинула его взглядом:

— Сестра Вань, так это он?

Лу Вань кивнула:

— Через пару дней, когда все утрясется, отправляйтесь. Чем дольше тянуть, тем больше проблем.

Се Сун не понимал, о чем речь, но чувствовал на себе взгляд Мэй Ушуана. Он опустил голову, уставившись в ковер у своих ног.

— Тетя Вань, а где ты такого охранника отыскала?

Услышав это, Се Сун поднял взгляд и встретился с улыбкой Мэй Ушуана.

Тот сидел рядом с матерью; оба были в темно-синих халатах с вышитыми сливами, так похожи, что Мэй Ушуан от этого казался несколько женственным.

Се Сун отвел глаза и услышал, как Лу Чэньби говорит:

— Чего расспрашиваешь? Разве в Усадьбе Сливового Журавля своих охранников не хватает, что моего приглядываешь?

Лу Вань бросила на внука взгляд, затем обратилась к Мэй Ушуану:

— Повстречала его на дороге, как раз когда беда с ним приключилась. Корни неплохие, вот и спросила, не хочет ли в Усадьбу Мечного Сияния. Так и привела.

Они перекинулись еще парой фраз, как вошла Цинь Шуан, поклонилась госпоже Мэй и Мэй Ушуану и доложила Лу Вань:

— Госпожа, все готово, можно подавать.

Се Сун, разумеется, не мог сидеть с ними за столом. Госпожа Лу, видимо, позвала его лишь для того, чтобы госпожа Мэй его увидела, после чего отпустила.

В его комнате уже был накрыт ужин. Едва он сел, как в дверь постучали. Открыв, он увидел служанку с подносом.

— Господин велел передать, — сказала она лишь это и, вручив поднос, удалилась.

Се Сун вернулся к столу, снял крышку. На подносе было мясо — даже в супе плавали фрикадельки. Не зная, что и думать, он усмехнулся и принялся за еду.

В день похорон Тао Тина Лу Чэньби не пошел. Се Сун продолжал тренироваться в гостинице. Во время отдыха Лу Чэньби вдруг спросил:

— Думаешь, это был Тао Фэйгуан?

Се Сун замер, вытирая пот, и покачал головой.

— Не знаю. Но если он способен на такое с родным отцом, он недостоин зваться человеком.

Лу Чэньби фыркнул:

— Все не так просто. Даже мудрец не разберет семейных распрей. С чего ты решил, что он недостоин?

Видя, что выражение лица Се Суна не меняется, он рассказал ему о матери Тао Фэйгуана. И лишь тогда Се Сун опустил глаза и вздохнул.

— Будь ты на его месте, что бы сделал? — спросил Лу Чэньби.

Се Сун долго молчал, затем произнес:

— Не знаю. Я не он, и мне не нужно это представлять.

Лу Чэньби усмехнулся, не стал настаивать и велел ему вечером отправиться с Цинь Шуан, слушаясь ее указаний и распоряжений Мэй Ушуана.

Под вечер служанка принесла Се Суну одежду для ночных вылазок, сказав, что таков приказ господина.

<http://bllate.org/book/15939/1424922>